

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

В.Н. Чернега

ФРАНЦИЯ И РОССИЯ В ЭПОХУ Э. МАКРОНА: ВОЗМОЖНО ЛИ РЕАЛЬНОЕ СБЛИЖЕНИЕ?

Аннотация. В статье рассматриваются концептуальные и практические аспекты внешнеполитического курса Франции при президенте Э. Макроне. Освещаются противоречия этого курса, связанные прежде всего с евроатлантистскими установками нового главы французского государства, а также и с его представлениями о Франции как о великой державе. Особое внимание уделяется перспективам франко-российских отношений.

Ключевые слова: евроатлантизм, великая держава, противоречия, франко-российские отношения.

Чернега Владимир Николаевич – доктор юридических наук,
Чрезвычайный и Полномочный Посланник, консультант Совета Европы,
ведущий научный сотрудник Института научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва.
E-mail: vladimir. tchernega@free.fr; v.n. tchernega@gmail.com

V.N. Chernega. France and Russia in the Era of E. Macron: A Real Rapprochement, is it Possible?

Abstract. The article examines conceptual and practical aspects of foreign policy of France under President Emmanuel Macron, the existing contradictions of this course, associated primarily with the Euro-Atlantic strategy of the new Head of the French state and his conception of France as the great power. Special attention is paid to the prospects of the French-Russian relations.

Keywords: Euro-Atlantism, the great power, contradictions, the French-Russian relations.

Chernega Vladimir Nicolaevich – Doctor of Law,
Extraordinary and Plenipotentiary Envoy, the leading researcher,
the Institute of Scientific Information on Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow.
E-mail: vladimir. tchernega@free.fr; v.n. tchernega@gmail.com

Избрание в мае 2017 г. Э. Макрона президентом Франции породило много надежд как внутри страны, так и за ее пределами. Самый молодой глава государства в истории Пятой республики (39 лет) позиционировал себя во время избирательной кампании как решительный реформатор, намеренный прежде всего сломать правовые и бюрократические барьеры на пути к количественному и качественному росту экономики, адаптации ее к цифровой технологической революции. Вместе с тем он обещал укрепить механизмы внутренней и внешней безопасности и в связи с этим внести необходимые изменения во французскую внешнюю политику. Она должна была стать более гибкой и прагматичной, лучше обеспечивать национальные интересы страны.

Стоит отметить, что в ходе упомянутой избирательной кампании впервые за многие десятилетия внешнеполитические вопросы дебатировались почти столь же активно, как и внутренние. Можно сказать и по-другому: еще никогда с момента установления Пятой республики в 1958 г. в глазах большинства кандидатов и стоявших за ними избирателей внутренние проблемы – экономический, социальный, миграционный кризисы, исламский терроризм, дефицит доверия к истеблишменту – не были столь тесно связаны с международным положением Франции, особенно с ее внешнеполитической ориентацией. Закономерно, что два из четырех основных претендентов (М. Ле Пен и Ж.-Л. Меланшон) и восемь из всех 11 кандидатов на пост президента, утвержденных Конституционным советом, обещали радикально изменить ее. Как известно, речь шла о пересмотре отношений Франции с ЕС и НАТО либо даже о выходе из этих структур, а также о проведении более самостоятельного курса по отношению к США и налаживании более тесных отношений с Россией.

По сути, на этих президентских выборах столкнулись две принципиально разные внешнеполитические концепции: евроатлантическая и общеевропейская, основывающаяся на идее Большой Европы от Лиссабона до Владивостока. Автор уже имел возможность предложить анализ этих концепций в другой своей статье [1, с. 45–46]. В настоящей работе целесообразно ограничиться указанием на то, что в рамках первой из этих концепций – евроатлантической – успешная Франция видится главным образом активной участницей глобалистского неолиберального проекта, прежде всего его наиболее продвинутой части, ЕС. Полноформатное членство в НАТО рассматривается как необходимый элемент этого подхода. Объективно это предполагает согласие со все большим ограничением ее суверенитета в пользу этих наднациональных структур, а в более широком плане – коллективного Запада, ведомого Соединенными Штатами.

Вторая концепция, уходящая своими корнями в деголлевскую внешнеполитическую доктрину и практику, исходит из того, что Франция может решить отмеченные выше внутренние проблемы лишь при условии сохране-

ния, как минимум, существенной степени независимости при принятии важнейших решений, затрагивающих ее экономическое и социальное развитие, безопасность, внешние национальные интересы. Эту концепцию можно назвать также «державно-суверенистской», поскольку она основывается на идее, что Франция является и должна оставаться великой державой, призванной вести мировую политику. В пользу этого подхода выдвигаются такие аргументы, как: наличие у нее ядерного арсенала, постоянное членство в Совете Безопасности ООН, сеть зарубежных военных баз, расположенных в стратегически важных точках (к примеру, в Джибути или ОАЭ), заморские территории, сохраняющиеся влияние в ряде бывших колоний, в частности в Африке. Данный подход допускает членство в ЕС и НАТО, но исключает «растворение» страны в «евроинтеграционном» объединении и слишком большую ее зависимость от натовских структур, особенно военных, и США.

Важным элементом этой концепции является поддержание партнерства и сотрудничества с Россией, рассматриваемой прежде всего как противовес влиянию в Европе США, а в последнее время – и Германии, которая после Брекзита все больше претендует на роль гегемона в ЕС.

Ш. де Голль, считая Францию «естественным» союзником США, не боялся ради ее самостоятельности пойти в 1966 г. на фронтальную конфронтацию с Америкой: как известно, он закрыл все 18 американских военных баз на территории Франции, вывел ее из объединенного военного командования НАТО и выдворил за пределы страны натовскую штаб-квартиру. Однако после ухода де Голля в 1969 г. от власти его преемники постепенно отходили от этой линии в пользу евроатлантического курса и, соответственно, большего равнения на США. Этот процесс не был линейным, ему были свойственны зигзаги и противоречия, поскольку одновременно Франция продолжала считать себя великой державой и время от времени вела себя в качестве таковой. Достаточно вспомнить противодействие президента Ж. Ширака американскому вторжению в Ирак в 2003 г. и сложившийся на этой почве фактический альянс Франции, Германии и России. Однако вектор движения был все-таки в сторону евроатлантизма. Знаковыми событиями в этом плане можно считать возвращение Франции при президенте Н. Саркози в 2009 г. в объединенное командование НАТО и ратификацию Францией при президенте Ф. Олланде в 2016 г. документов, вновь предоставивших натовскому персоналу официальный статус на территории Франции.

Вместе с тем французские президенты считали необходимым сбалансировать этот курс поддержанием диалога и сотрудничества с Россией. Заключение при том же Н. Саркози в 2011 г. сделки о поставке российским ВМС кораблей «Мистраль» яркий тому пример. Однако, как известно, его преемник Ф. Олланд отменил поставку уже практически готовых кораблей в связи с неприятием российской позиции по Украине, а затем по Сирии, что стало

лишь одним из проявлений продолжавшегося крена в сторону евроатлантизма. По сути, Ф. Олланд присоединился к тем западным деятелям, особенно в США, которые создавали единый фронт против России под предлогом «угрозы» с ее стороны всему коллективному Западу. Сам Ф. Олланд, как он признал в одной из бесед с французскими журналистами, на деле в эту «угрозу» не верил: «Россия в определенном смысле, – заявил он, – не является агрессивной державой. Это – страна, которая выступает за статус-кво, она поддерживает диктаторские режимы, когда считает их полезными для сохранения стабильности, но сама при этом угрозой не является» [3, р. 131]. К счастью, российско-французское сотрудничество по ряду направлений продолжалось, но данное решение, наряду с некоторыми другими шагами и недружественными заявлениями в адрес России, все же нанесло ему урон.

В этом охлаждении отношений сыграла свою роль жесткая риторика неolibеральных элит и контролируемых ими «мейнстримовские» СМИ в адрес России: они одобряли, в частности, воинственную позицию по Сирии Ф. Олланда. Олланд, как известно, призывал к вооруженному вмешательству Запада с целью свержения Б. Асада. Помимо прочего, элиты и СМИ вдохновлял пример «успешной» интервенции Франции и Великобритании при помощи США в Ливии. Мнение большинства французских специалистов-арабистов, считавших, что, во-первых, в Сирии иная ситуация и быстрой победы не получится, а во-вторых, крушение режима Б. Асада скорее всего обернется захватом власти в этой стране исламистами, попросту игнорировалось. Один из этих специалистов, Ф. Пишон, посвятил целый раздел в своей работе по сирийскому кризису тому, как упомянутые СМИ манипулировали французским общественным мнением. По его словам, сложная и драматическая ситуация в Сирии, где, по определению, не могло быть «белых и пушистых» участников конфликта и где демократия западного типа практически не имела шансов на успех, была сведена ими к удобному штампу: «Кровавый тиран истребляет собственный народ, борющийся за свободу» [9, р. 51–60].

Лишь осторожность президента Б. Обамы и негативное отношение Великобритании к военному свержению Асада удержали Францию от этой авантюры. Последующие же события в Сирии показали, что в результате данной ошибочной линии Франция оказалась «выключенной из игры» в стране, которой она управляла де-юре и де-факто с 1920 по 1946 г. (сначала по мандату в рамках Севрского договора 1920 г. а затем – по мандату Лиги Наций).

В целом, по сравнению с предшественниками, отход Ф. Олланда от догматической внешнеполитической доктрины был наиболее очевидным. В самом широком плане это объяснялось все большей вовлеченностью Франции в упоминавшийся выше глобальный неolibеральный проект. Конечно, в связи с этим нужно отметить в первую очередь ее углубляющуюся интеграцию в ЕС. Вместе с тем следует указать, что французский транснациональ-

ный капитал давно включился в строительство мирового неоллиберального порядка во главе с США, а ряд видных представителей французских экономических и политических элит вошли в мировую транснациональную элиту [11, р. 70–72].

«Зацикленность» большей части французского элитного слоя на «либеральных ценностях» и, соответственно, идеологизация внешней политики уже долгое время являются реалиями этой страны. Президент Н. Саркози, будучи лидером достаточно прагматичного правоцентристского лагеря, назначил на пост министра иностранных дел Франции социалиста Б. Кушнера – одного из основателей известной организации «Врачи без границ». Как свидетельствуют французские эксперты, он оставил глубокий «идеологический след» в кадровом составе МИДа страны. Специалисты по странам и проблемам, в частности арабоведы, при нем вытеснялись «идеологизированными либеральными универсалами». Неформальным и весьма влиятельным советником министра стал «гуру» в области прав человека Б.-А. Леви, ратовавший за «право гуманитарного вмешательства» в дела других стран и в 1999 г. поддержавший натовские бомбардировки Югославии. В 2008 г. он вместе с другим известным правозащитником А. Глюксманом (ныне покойным) требовал принять Грузию и Украину в НАТО. Конечно, он был в первых рядах сторонников западной интервенции в Ливии в 2011 г. [3, р. 125].

Представлявший социалистическую партию Ф. Олланд, став президентом, продолжил эту линию и с помощью министра иностранных дел Л. Фабиуса поднял идеологизацию дипломатов и внешнеполитического курса на базе «либеральных ценностей» на еще более высокий уровень. Б.-А. Леви продолжал пользоваться влиянием в Елисейском дворце и в МИД Франции. Именно он в марте 2014 г., т.е. за несколько месяцев до президентских и парламентских выборов на Украине, представил Ф. Олланду тогда еще практически неизвестных во Франции П. Порошенко и В. Кличко.

Проблема для Франции заключалась в том, что при всех названных выше атрибутах величия, в рамках строительства неоллиберального мирового порядка, она не могла претендовать на роль ведущей державы и была вынуждена следовать в кильватере США – подлинного лидера неоллиберальной глобализации. Это относилось и к ее участию в НАТО, поскольку, как показала интервенция в Ливии, а затем история с несостоявшимся вооруженным вмешательством в Сирии, без военной поддержки Альянса, на практике – Соединенных Штатов, Париж осуществлять подобные операции не мог. В ЕС Франция чем дальше, чем больше оказывалась в тени Германии, которой она все существенней уступала в экономической мощи. Париж пытался смягчить эту проблему, маневрируя между Берлином и Лондоном, но это еще больше усиливало влияние на Францию американского «большого брата», поскольку,

как в свое время предсказывал Ш. де Голль, Великобритания играла в ЕС роль «тройного коня» США.

Закономерно, что приход к власти в США Д. Трампа, считающего необходимым сосредоточиться прежде всего на внутренних проблемах своей страны («America first»), вызвал шок у французских нелиберальных элит и, напротив, придал импульс тем политикам и экспертам, которые давно указывали на опасность слишком большой зависимости от США. Вкупе с Брекзитом, вызвавшим вопросы о позициях Франции в ЕС в результате утраты британского противовеса перед лицом усиливающейся Германии, и очевидным кризисом самого ЕС, перемены в Америке серьезно повлияли и на французское общественное мнение. Как показано выше, эти перемены отразились во внешнеполитических подходах большинства кандидатов в президенты, выступавших за усиление независимости Франции и в качестве необходимого условия призывавших налаживать сотрудничество с «поднимающейся» Россией.

Обсуждение темы «независимости» и адаптации внешней политики Франции к новым международным реалиям продолжилось и после президентской избирательной кампании – прежде всего на экспертном уровне, но также в рамках различных формальных и неформальных общественных объединений и организаций. «Российский фактор» занял в нем очень большое место. Достаточно указать, что журнал «Национальная оборона» посвятил России большую часть своих номеров за май и июль-август 2017 г., а журнал «Дипломатия» – весь номер за август-сентябрь 2017 г. В соответствующих материалах была сделана попытка проанализировать различные аспекты «российского феномена» – от внутривнутриполитической ситуации, экономики, социальной и социально-демографической сферы до внешней политики, военной доктрины, вооруженных сил и спецслужб.

Общий вывод данных публикаций можно выразить словами О. Бисмарка: «Россия никогда не так сильна и не так слаба, как кажется». Главное, однако, что хотя у части авторов просматривался идеологизированный подход и они видели в России некую опасность для западной демократии, ЕС и НАТО (особенно для их польско-балтийских сегментов), большинство придерживались более умеренной точки зрения. *Превалировала точка зрения, согласно которой Россия стремится проводить прагматичную внешнюю политику, нацеленную на защиту национальных интересов, как их понимают сегодня в Кремле. Россия отнюдь не стремится воссоздать советскую империю, не говоря уже о том, что у нее нет необходимых для этого ресурсов. Нет у нее и побудительных мотивов нападать на Польшу и прибалтийские государства [6, р. 10–11]. С ней, соответственно, нужно вести диалог, хотя и с «позиций твердости».*

В статьях, затрагивающих вопрос отношения к России ЕС, отмечалось что имеющееся в нем «русophobic» меньшинство (Польша, Швеция и прибалтийские государства, заинтересованные в продолжении конфронтации с ней) находит все меньше понимания в остальных государствах-членах. Данное меньшинство поддерживается США, для которых сближение России и ЕС является «стратегическим кошмаром». Однако Брекзит существенно ослабил позицию этих стран и, соответственно, создал шанс для «стратегического разворота» в отношениях с Россией [10, р. 58–59]. Стоит добавить, что такой разворот пока сдерживается выжидательной позицией Германии, которой после Брекзита Б. Обама по сути предлагал стать стержневым элементом евроатлантической оси на континенте. Кроме того, у Германии всегда были «исторические интересы» на Украине. Однако приход к власти в США Д. Трампа породил внутри германских элит колебания, которые продолжают до сих пор.

Непредсказуемость политики США при Д. Трампе и необходимость отхода от чрезмерного равнения на Вашингтон, проведения курса на сближение с Россией подчеркивается в ряде монографий, вышедших во Франции в 2017 г. В качестве примера можно назвать работы специалиста по геополитике А. Дезюэна «Атлантическая Франция или крушение дипломатии» [3] и журналиста Р. Жирара «Какая дипломатия для Франции? Воспринимать реалии такими как они есть» [5]. Названия этих работ, получивших определенный резонанс во французских СМИ, говорят сами за себя. В них критикуется не только откровенно проамериканский и пронатовский курс Франции в последнее десятилетие, но и идеологизированное видение международных реалий. Оба автора призывают признать, что у России есть законные интересы и опасения перед лицом расширения НАТО и ЕС и предлагают западным лидерам взять юридические обязательства о непринятии в них Грузии и Украины.

Анализируя украинский кризис, А. Дезюэн и Р. Жирар указывают, что Запад несет большую долю ответственности за его возникновение, поскольку не снимал с повестки дня перевод Украины в свою сферу влияния. Р. Жирар в целях урегулирования данного кризиса даже выдвигает идею «размена»: возврата Украине контроля над ее границами в пределах ДНР и ЛНР на признание Крыма российской территорией. В более широком плане он видит задачу для французской дипломатии: с одной стороны, способствовать возвращению России – «культурно и исторически европейской и западной страны» – в «европейскую семью», с другой – прилагать усилия для того, чтобы Франция играла роль «конструктивного посредника» между Москвой и Вашингтоном. Р. Жирар также усматривает угрозу для европейских интересов во все более очевидной, по его мнению, перспективе «вассализации» России Китаем,

альтернативой которой может быть только строительство Большой Европы [5, p. 96–99].

Следует признать, что предложение Р. Жирара по Крыму в нынешнем французском контексте является скорее исключением из правила. Стоит, однако, подчеркнуть, что еще год назад оно вызвало бы волну возмущения в «мейнстримовских» СМИ и среди неолиберальных политиков. В сегодняшней ситуации такой волны не случилось, работа Р. Жирара (как и работа А. Дезюэна) была представлена на телевидении и стала поводом для серьезных дебатов о внешней политике Франции.

Насколько отмеченные подходы кандидатов на президентских выборах, которые были поддержаны примерно половиной избирателей, продолжающиеся обсуждения и приведенные мнения экспертов могут повлиять на внешнеполитический курс Франции, в частности по отношению к России? С учетом того, что Франция является в полном смысле президентской республикой (французские государствоведы и журналисты часто называют ее «республиканской монархией») и что внешняя политика, дипломатия и оборона являются в этой стране «зарезервированными областями» главы государства, очень многое здесь будет зависеть от президента Э. Макрона. Как известно, его личный опыт в области международной политики и дипломатии до избрания был весьма ограниченным. Можно упомянуть в этой связи полугодовую стажировку в посольстве Франции в Нигерии в 2002–2003 гг., когда он учился в Национальной школе администрации (ЭНА) – главном «инкубаторе» французских элит. Позже – работу в 2012–2014 гг. в администрации президента Ф. Олланда, где он занимался проблемами «зоны евро», наконец, деятельность на посту министра экономики, промышленности и цифровых технологий в 2014–2016 гг., когда ему приходилось заниматься двусторонними и многосторонними внешнеполитическими связями Франции, в частности в рамках ЕС, Группы семи и «двадцатки».

Большинство французских и российских экспертов справедливо отмечают, что взгляды Э. Макрона по многим вопросам, в том числе внешнеполитическим, отличаются определенной двойственностью и даже противоречивостью. В какой-то мере он сам подтверждает это, когда в своей книге «Революция», говоря о необходимости проведения Францией более реалистической и прагматической политики, в качестве исторического примера ссылается одновременно на Ш. де Голля и его политического противника, центристского деятеля П. Мендес-Франса [7, p. 37]. Ш. де Голль был привержен идее «величия» Франции и видел в тогдашнем ЕЭС лишь союз суверенных государств («Европа наций»), П. Мендес-Франс был убежденным сторонником европейской интеграции, хотя ему и приписывают высказывание: «Созидать Европу, не разрушая Францию».

В начале своей карьеры Э. Макрон работал с видным экономистом Ж. Аттали, который был специальным советником Ф. Миттерана в 1981–1991 гг., а в 1991–1993 гг. возглавлял Европейский банк реконструкции и развития. Ж. Аттали был одним из идеологов неолиберальной глобализации «без границ» и, соответственно, противником «суверенизма». Это не мешало ему проявлять определенный реализм в ряде внешнеполитических вопросов. В 1999 г., после начала натовских бомбардировок Югославии, он опубликовал, например, в газете «Монд» серию статей под общим названием «Об опасности унижения России», в которой предсказал нынешнюю конфронтацию между нашей страной и Западом [2, р. 6].

Позже Э. Макрон посещал кружок, сложившийся вокруг Ж.-П. Шевенмана, начинавшего политическую деятельность в качестве левого голлиста, а затем занимавшего министерские посты, в том числе обороны и внутренних дел, в социалистических правительствах при Ф. Миттеране. Он был убежденным «суверенистом», выступал против «федерализации» ЕС и занимал жесткую позицию по вопросам миграции. Голлистское начало у Ж.-П. Шевенмана проявлялось также в его отношении к России, которую он всегда считал неотъемлемым элементом «европейского равновесия».

Конечно, тягу Э. Макрона к этим столь непохожим деятелям можно считать проявлением любопытства молодости. Однако продемонстрированное им впоследствии стремление «синтезировать» противоречащие друг другу установки, которое, кстати, помогло ему победить на президентских выборах, говорит, скорее, о черте характера. При всем этом у него есть «твердое ядро» убеждений, которое он афишировал в упомянутой выше книге «Революция» и в своих выступлениях – в том числе после своего избрания. Он – безусловный сторонник участия Франции в процессе неолиберальной глобализации, который, по его убеждению, носит объективный характер и будет продолжаться, несмотря на нынешний кризис. Франция не может себе позволить быть вне его, замкнувшись в суверенных границах, поскольку это неизбежно приведет к отрыву от господствующих в мире тенденций, от прогресса, особенно в контексте начавшейся технологической цифровой революции.

Одновременно Э. Макрон говорил о необходимости укреплять независимость Франции перед лицом Китая, России, а также США, вступивших в «период неопределенности». При этом он подчеркивает, что ввиду недостаточности ее ресурсов Франция может это сделать только в рамках ЕС. С его точки зрения, чем крепче и сплоченнее будет ЕС, тем более значительными возможностями Франция будет располагать в Европе и мире. Ее эффективное участие в «цифровой революции» также невозможно без ЕС. Отсюда установка на углубление европейской интеграции, предложения создать общий бюджет стран «еврозоны», а также назначить для нее министра финансов. Многие политики и эксперты расценили это как прообраз «экономического

правительства» данной зоны. В основном на уровне ЕС нужно решать и проблемы миграции, которые, по Э. Макрону, являются «естественной частью» глобализации. Преодоление нынешнего кризиса ЕС, с его точки зрения, возможно при условии усиления франко-германской оси, несмотря на то что Н. Саркози и Ф. Олланд добиться этого усиления не смогли.

Эти установки Э. Макрон развил в своем выступлении 26 сентября 2017 г. в Сорбоннском университете, в котором он представил обширную и амбициозную программу преобразований в ЕС, по сути открывающих перспективу трансформации его в «асимметричное» федеральное государство. Основной акцент в ней сделан на формировании в рамках зоны евро «ядра» ускоренной интеграции, которое должно вести за собой остальные государства – члены ЕС. Речь идет, таким образом, об идее «разноскоростной Европы», с которой выступили в марте 2016 г. на встрече в Версале руководители Франции (тогда это был Ф. Олланд), Германии, Италии и Испании. Но Э. Макрон конкретизировал ее далеко идущими предложениями, затрагивающими широкий круг областей – от экономики, финансов, налогообложения, социальной политики до безопасности и обороны (в последнем случае имеется в виду создание так называемой «европейской обороны»). Стоит особо отметить его предложения по реорганизации на транснациональной основе состава Еврокомиссии (пока фактически евро-комиссары назначаются по одному от каждого государства-члена), а также по выборам на такой же основе в 2024 г. половины депутатов Европарламента [8].

В целях укрепления франко-германской «оси» и придания ей «второго дыхания» в качестве «мотора» евроинтеграции Э. Макрон выдвинул инициативу заключения 22 января 2018 г. «нового Елисейского договора» о «новом партнерстве». Как известно, ныне действующий договор был подписан 22 января 1963 г. Ш. де Голлем и К. Аденауэром. Он символизировал франко-германское примирение 18 лет спустя после окончания Второй мировой войны. В нем, помимо прочего, предусматривались консультации и определенная координация по вопросам тогдашних Европейских сообществ, но не более того. Э. Макрон же стремится к максимальному сближению двух стран, вплоть до образования к 2024 г. единого рынка с одинаковыми законами и правилами, регламентирующими деятельность предприятий [там же].

Что касается России, то Э. Макрон в книге «Революция» называл ее европейской страной, внесшей огромный вклад в общую европейскую культуру. Там же он писал о необходимости отойти, в целях поддержания безопасности на европейском континенте, от нынешней конфронтации, найти точки соприкосновения по Украине, а в сирийском вопросе двигаться к отмене взаимных санкций, «в рамках диалога с позиций твердости» [7, р. 208–209]. Встреча с В. Путиным в Версале 29 мая 2017 г., состоявшаяся по инициативе Э. Макрона, должна была продемонстрировать этот подход.

Анализ выступлений и первых реальных шагов Э. Макрона, касающихся внешней политики после избрания на пост президента, позволяет сделать вывод: на самом деле он стремится несколько обновить курс своего предшественника на основе большего реализма и гибкости и *одновременно придать ему большую «державность»*. Назначение министром иностранных дел Ж.-И. Ле Дриана, имеющего репутацию прагматичного и взвешенного политика, отвечало этой задаче. *Упомянутая встреча Э. Макрона с В.В. Путиным, которую он затем «уравновесил» беседами с Д. Трампом и заявлениями о том, что США остаются союзником Франции, инициативы по продвижению «европейской обороны», визиты в ноябре 2017 г. в ОАЭ и Саудовскую Аравию с намерением сыграть роль посредника между саудитами и Ираном, а заодно обеспечить заказы для французских предприятий (как это было при Н. Саркози и Ф. Олланде) являются тому подтверждением.*

Одновременно Э. Макрон пытается демонстрировать более «твердый и решительный» личный стиль, чем у Олланда. Однако поскольку при этом он не просто сохранил евроинтеграционный курс последнего, но, как показано выше, пошел по этому пути значительно дальше, ему во многих случаях приходится высказывать противоречащие друг другу установки. Примером тому служит его другое выступление – перед французскими послами 29 августа 2017 г. В нем Э. Макрон, как и следовало ожидать, с одной стороны, подчеркнул приоритетность все большей интеграции Франции в ЕС, объективно требующей ограничения ее суверенитета. С другой стороны, он посвятил значительную часть выступления «глобальной миссии» Франции в многополярном мире и вытекающей отсюда необходимости проводить политику великой державы, в том числе в рамках многосторонних институтов от ООН до ОБСЕ. Президент также несколько раз подчеркнул необходимость строительства партнерских отношений с Китаем и Индией и усиления партнерства с Японией. Как сочетать эти две расходящиеся линии на практике, особенно в перспективе, он не объяснил.

Э. Макрон говорил также о важности строительства в рамках ЕС «европейской обороны», необходимость которой он обосновывал, помимо прочего, «самоустранением» США из сферы совместной безопасности. Он указал, что в июле 2017 г. Еврокомиссия поддержала инициативу Франции и Германии по созданию нацеленного на это специального фонда. Вместе с тем, по мнению Э. Макрона, НАТО «не теряет своей полезности», а саммит Альянса в 2018 г. предоставит возможность придать ему «новое дыхание». В связи с этим стоит напомнить, что в случае с «европейской обороной» речь идет об очень старой идее, которая была похоронена еще в 1954 г. как раз Францией; причиной этого была неактуальность этой концепции ввиду существования НАТО. По этой же причине в 2011 г. был ликвидирован Западноевропейский

союз – своего рода «эмбрион» «европейской обороны». В любом случае «новое дыхание» НАТО будет определять Вашингтон.

Еще более противоречива позиция Э. Макрона по урегулированию конфликта в Сирии. В этой стране, как он подчеркнул, безусловным приоритетом для Франции должна быть борьба с запрещенной в России ИГИЛ (в то время как Ф. Олланд в конечном счете эволюционировал к позиции: «ни ИГИЛ, ни Б. Асад») и достижение политической стабильности. Для решения последней задачи Э. Макрон намерен продвигать создание специальной контактной группы в дополнение к уже имеющимся форматам. Вместе с тем он заявил, что «затем» нужно будет судить «руководителей сирийского режима» за совершенные преступления [4]. Очевидно, однако, что перспектива «суда» исключает участие этих руководителей в достижении стабильности на французских условиях.

О России в выступлении перед послами президент упомянул лишь как об участнице диалога по Украине и Сирии, а в речи в Сорбоннском университете – в связи поддерживаемым им расширением ЕС на Балканах, которое должно устранить там российское (и турецкое) влияние [8]. Вместе с тем в выступлении в Европейском суде по правам человека 31 октября 2017 г. он, в связи с решением России сократить свой взнос в Совет Европы, чтобы не финансировать деятельность ПАСЕ, призвал ее оставаться «в нашем общем доме». Более того, президент подчеркнул, что хотя «мы обязаны говорить о демократии и правах человека», нужно «избегать поучений» [12].

Можно предположить, что причиной тому является еще одно противоречие: прагматизм подталкивает его как минимум к исправлению ошибок Ф. Олланда, а как максимум – к определенному сближению с Россией, но евроатлантические установки ограничивают движение в этом направлении. В дальнейшем многое здесь будет зависеть от того, сможет ли Э. Макрон добиться равноправного сотрудничества в рамках франко-германской оси (многие французские эксперты сомневаются в этом), получится ли преодолеть нынешний кризис и раскол ЕС на основе его изложенной выше программы и появится ли большая ясность в отношениях с США. Неудача евроатлантической политики неизбежно вызовет мобилизацию ее многочисленных противников, которые, как показано выше, после президентских выборов никуда не исчезли, со всеми вытекающими последствиями для личных позиций Э. Макрона в собственной стране. Пока же, скорее всего, курс Франции в отношении России будет *колебаться* в рамках данного противоречия.

Библиография

1. Чернега В.Н. Геополитический выбор Франции // Международная жизнь. 2017. Май. С. 44–66.
2. Attali J. Du danger d'humilier la Russie // Le Monde 1999. 8 avril. P. 6.

3. Desuin H. La France atlantiste ou le naufrage de la diplomatie. Paris: Les Editions du CERF, 2017. 192 p.
4. Discours du Président de la République à l'ouverture de la conférence des Ambassadeurs. 30.08.2017 // URL: <http://www.elysee.fr/declarations/articles-du-president-de-la-republique> (Дата обращения: 02.09.2017.)
5. Girard R. Quelle diplomatie pour la France? Prendre les réalités telles qu'elles sont. Paris: Les Editions du CERF, 2017. 145 p.
6. Gautier L. L'enjeu stratégique russe // Revue défense nationale. 2017. Mai. P. 7–12.
7. Macron E. Révolution. Paris: XO Editions, 2016. 268 p.
8. Initiative pour l'Europe: Discours d'Emmanuel Macron pour une Europe souveraine, unie, démocratique. 27.09.2017 // URL: <http://www.elysee.fr/declarations/articles-du-president-de-la-republique> (Дата обращения: 02.10.2017.)
9. Pichon F. Syrie. Pourquoi l'Occident s'est trompé. Paris: Editions du Rocher, 2015. 148 p.
10. Raviot J-R. La Russie: Une menace ou un partenaire pour l'Europe? // Diplomatie. 2017. Août-septembre. P. 55–61.
11. Rothkopf D. La caste. Les nouvelles élites et le monde qu'elles nous préparent. Paris: Editions Laffont, 2009. 330 p.
12. Transcription du discours du Président de la République à la Cour européen des Droits de l'Homme. 05.11.2017 // URL: <http://www.elysee.fr/declarations/articles-du-president-de-la-republique> (Дата обращения: 09.11.2017.)

References

- Attali J. Du danger d'humilier la Russie // Le Monde 1999. 8 avril. P. 6.
- Chernega V.N. Geopoliticheskij vybor Francii // Mezhdunarodnaja zhizn. 2017. May. S. 44–66.
- Desuin H. La France atlantiste ou le naufrage de la diplomatie. Paris: Les Editions du CERF, 2017. 192 p.
- Discours du Président de la République à l'ouverture de la conférence des Ambassadeurs. 30.08.2017 // URL: <http://www.elysee.fr/declarations/articles-du-president-de-la-republique> (Data obrashhenija: 02.09.2017.)
- Gautier L. L'enjeu stratégique russe // Revue défense nationale. 2017. Mai. P. 7–12.
- Girard R. Quelle diplomatie pour la France? Prendre les réalités telles qu'elles sont. Paris: Les Editions du CERF, 2017. 145 p.
- Initiative pour l'Europe: Discours d'Emmanuel Macron pour une Europe souveraine, unie, démocratique. 27.09.2017 // URL: <http://www.elysee.fr/declarations/articles-du-president-de-la-republique> (Data obrashhenija: 02.10.2017.)
- Macron E. Révolution. Paris: XO Editions, 2016. 268 p.
- Pichon F. Syrie. Pourquoi l'Occident s'est trompé. Paris: Editions du Rocher, 2015. 148 p.
- Raviot J-R. La Russie: Une menace ou un partenaire pour l'Europe? // Diplomatie. 2017. Août-septembre. P. 55–61.
- Rothkopf D. La caste. Les nouvelles élites et le monde qu'elles nous préparent. Paris: Editions Laffont, 2009. 330 p.
- Transcription du discours du Président de la République à la Cour européen des Droits de l'Homme. 05.11.2017 // URL: <http://www.elysee.fr/declarations/articles-du-president-de-la-republique> (Data obrashhenija: 09.11.2017.)